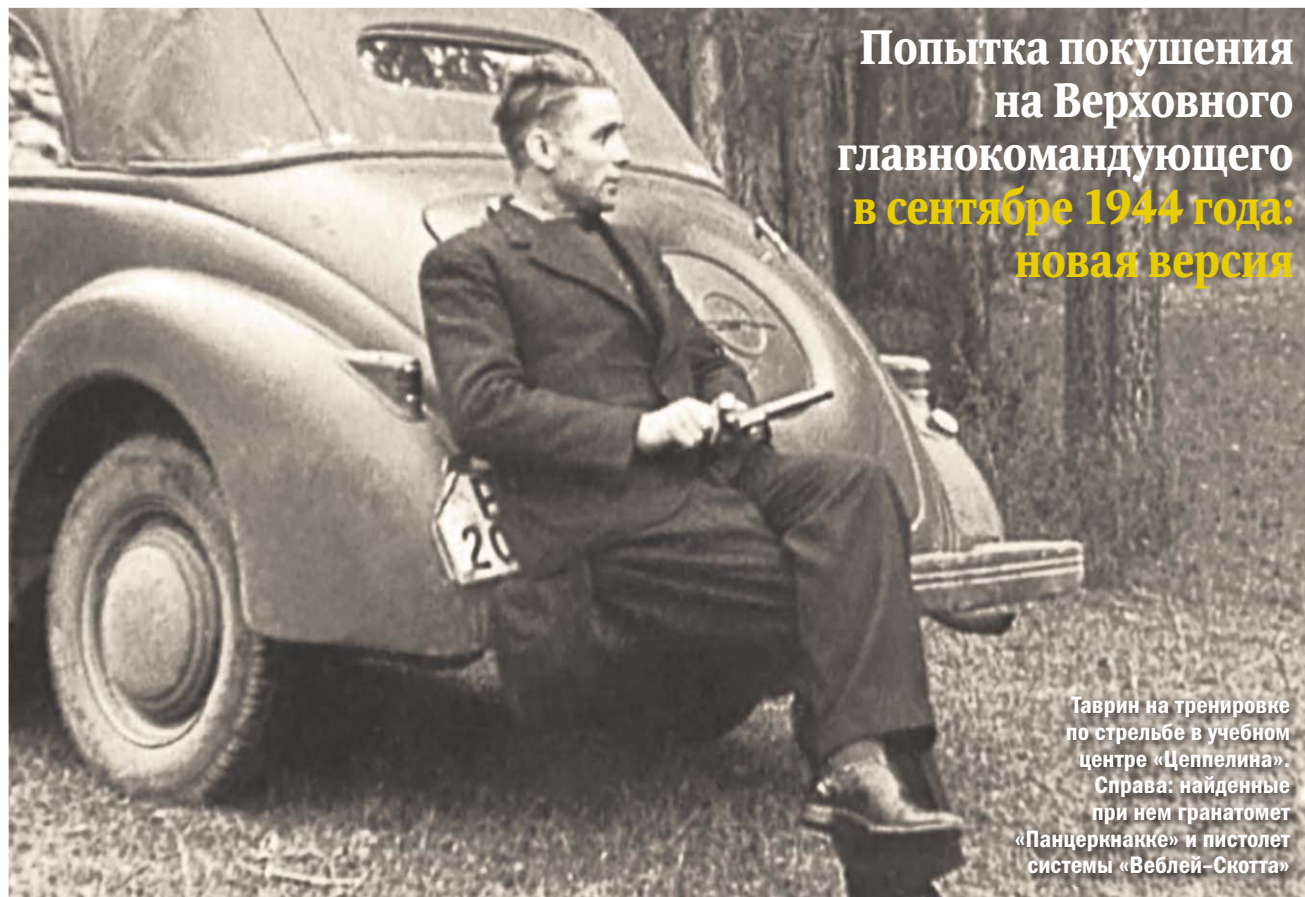
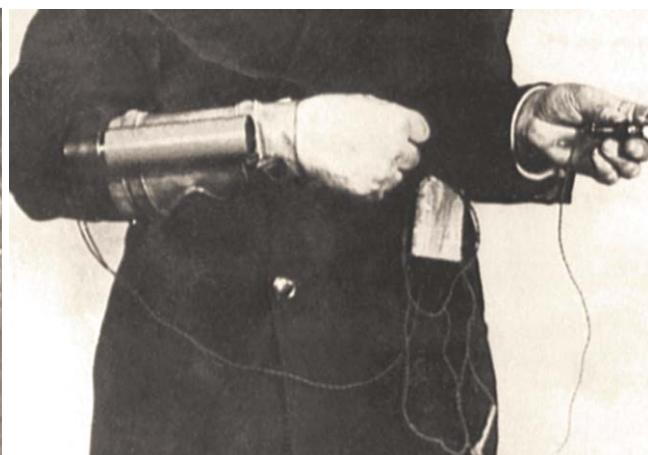

УБИТЬ Сталина

Попытка покушения на Верховного главнокомандующего в сентябре 1944 года: новая версия

Таврин на тренировке по стрельбе в учебном центре «Цепелина». Справа: найденные при нем гранатомет «Панцеркнакке» и пистолет системы «Веблей-Скотта»

Игорь ЛАНДЕР

Специально для «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

В истории советских органов госбезопасности есть несколько операций – своего рода «священных коров». Их называют образцовыми, безукоризненными, опередившими время и вошедшими в учебники всех спецслужб мира.

Таких операций не так уж много. Любый мало-мальски знакомый с темой читатель без труда назовет операции «Трест», «Синдикат-2», «Монастырь», раскрытие «заговора послов» и еще несколько. Но одна из них стоит особняком – это сорванная 5 сентября 1944 года попытка покушения на Верховного главнокомандующего И. В. Сталина. Каноническая версия событий, впервые опубликованная в открытых источниках в двух номерах журнала «Смена» в 1971 году, до настоящего времени не слишком изменилась.

Бухгалтер-растратчик Петр Иванович Шило, в 1932 году совершивший побег из следственного изолятора, позднее еще дважды арестовывавшийся и еще дважды бежавший, под именем Петра Ивановича Таврина в августе 1941 года был призван в Красную армию и дослужился до звания старшего лейтенанта и должности командира пулеметной роты. В мае 1942 года контрразведка заподозрила его в использовании чужой фамилии, он бежал к немцам и там был завербован разведывательно-диверсионным органом СД «Предприятие Цепелин».

Основной задачей этой структуры, согласно германским документам, было политическое разложение тыловых районов Советского Союза, что оказалось не под силу абверу. При организации «Цепелина» планировалось забросить в советский тыл тысячи советских граждан, преимущественно военнопленных, завербованных и обученных ведению пропаганды, организации повстанческого движения и диверсионным операциям. Агентом этого разведоргана и стал Шило-Таврин, но порученное ему задание носило, как мы уже знаем, террористический характер. После обучения технологично экипированный (портативный гранатомет «Панцеркнакке», радиоуправляемая мина, пистолет системы «Веблей-Скотта» с отравленными разрывными пулями)

агент вместе с женой Лидией Шиловой (Адамчик) в ночь на 5 сентября 1944 года вылетел в район Ржева на специальном транспортном самолете. Штурман сбился с курса, самолет попал под огонь зенитных батарей и совершил вынужденную посадку в Кармановском районе Смоленской области. Террористы выкатили наружу оставшийся неповрежденным мотоцикл, загрузили его снаряжением и отправились в Ржев, откуда планировали попасть в Москву. Однако по дороге их остановил патруль, поднятый по тревоге после сообщения об обстреле и посадке немецкого самолета. Не оказавшие сопротивления Таврин и Шилова были арестованы и прямо на месте дали признательные показания. После этого их отправили в Москву, где задействовали в радиоигре с «Предприятием Цепелин», а в 1952 году судили и расстреляли.

Официальная историография тщательно стремилась повысить рейтинг этой незатейливой операции и приукрасить ее, для чего к ней пристегивались некие акции зафронтовой и даже внешней разведки. Все это делалось для создания иллюзии важной роли органов госбезопасности в аресте террористов.

В 2000 году «дело Таврина» начали подвергать ревизии. Обнародованные документы оказались безупречными, логические схемы не увязывались, и самые радикальные исследователи договорились даже до утверждений о фальсификации всей этой истории. В это время я работал над трехтомником «Негласные войны. История специальных служб. 1919-1945» и, естественно, заинтересовался поиском истины. Подробное исследование привело меня к неожиданному заключению о том, что хотя официальная версия действительно не отражает реальный ход событий, мы имеем дело отнюдь не с банальной фальсификацией. «Дело Таврина», подобно матрешке, скрывает в себе несколько интересных агентурно-оперативных комбинаций, проводившихся с обеих сторон фронта. Равно как и является наглядным образцом методики, по которой спецслужбы фабрикуют приемлемую для обнародования версию и скрывают под ней реальные события.

Все это побудило меня приступить к написанию новой книги под условным названием «Фальшивый террорист», журнальный вариант одной из глав которой предлагается вниманию читателей.

Под чужой фамилией

После ареста и доставки в НКВД СССР Шило-Таврин мотивировал свой переход на сторону противника в 1942 году страхом перед неминуемым разоблачением, что и было зафиксировано в протоколе допроса:

«Вопрос: — Медицинским осмотром вас установлено, что кроме «ранений», о которых вы только что показали, других ранений на теле не имеется, следовательно, ваши показания о том, что вы захвачены в плен немцами, будучи ранеными, ложны? Ответ: — Да, я должен это признать.

Вопрос: — При каких же обстоятельствах вы в действительности очутились у немцев?

Ответ: — 30 мая 1942 года, находясь на Калининском фронте и будучи послан в разведку, я изменил Родине и добровольно перешел на сторону немцев.

Вопрос: — Почему вы изменили Родине?

Ответ: — Должен признать, что я скрыл от следствия еще один факт.

Вопрос: — Какой именно?

Ответ: — В 1932 году, работая в гор. Саратове, я был арестован за растрату 1.300 рублей государственных денег. В связи с тем, что меня должны были предать суду, по закону от 7 августа 1932 года, я, боясь строгой ответственности, бежал из тюрьмы, проломав с группой арестованных стену в тюремной бане. В 1934 и 1936 г.г. я также арестовывался милицией за растраты, но в обоих этих случаях совершал побег. В 1939 году я по фиктивным справкам получил документы на имя ТАВРИНА и под этой фамилией впоследствии был призван в Красную армию.

Находясь на Калининском фронте, 29-го мая 1942 года я был вызван к уполномоченному Особого отдела капитану ВАСИЛЬЕВУ, который интересовался, почему я переменял фамилию ШИЛО на ТАВРИНА.

Поняв, что Особому отделу стали известны мои преступления, я, боясь ответственности, на следующий день, будучи в разведке, перешел на сторону немцев.

Вопрос: — Непонятно, почему вы, боясь ответственности за совершенные ранее уголовные преступления, решились на новое, тягчайшее преступление — измену Родине?

Ответ: — Я полагал, что это не станет известным советским властям, а я до

конца войны останусь у немцев на положении военнопленного».

Для неискушенного читателя все это звучит правдоподобно и, во всяком случае, мотивированно. Однако у допрашивавшего Шило комиссара ГБ 3-го ранга А. М. Леонтьева подобные утверждения должны были вызвать, по меньшей мере, скептическую улыбку, и уж во всяком случае подтолкнуть его к дальнейшим расспросам. Однако этого, как ни странно, не произошло, и потому выяснением сомнительных обстоятельств придется заняться нам.

Для начала попробуем взглянуть на ситуацию глазами профессионального контрразведчика. Информация о сокрытии Тавриным факта перемены фамилии означала, что этот командир пулеметной роты 1196-го стрелкового полка 359-й стрелковой дивизии, скорее всего, не является тем, за кого себя выдает. Иначе говоря, к оперуполномоченному капитану Васильеву поступил сигнал, который необходимо было проверить. По правилам полагалось завести дело оперативной проверки, запросить все инстанции, провести установку личности человека — от церкви, в которой его крестили, до последнего места работы до войны или службы во время войны (если это была другая часть) и т. д. По результатам проверки (если сигнал подтверждался) начиналось расследование. И только после полного сбора доказательств его приглашали для первого допроса в землянку Особого отдела. То есть беседа была завершающей фазой расследования. И ни один, даже самый неопытный контрразведчик не имел права поступить иначе.

Более того, проводимая органами безопасности проверка включает проведение комплекса мероприятий по недопущению вреда, который способен нанести проверяемый. Командир пулеметной роты на фронте знает всю систему обороны батальона, а иногда и полка, все секторы обстрела, расположение замаскированных пулеметных точек, до него доводятся боевые приказы, он знает общую обстановку в части, уровень ее боеспособности и многое другое. В подобных случаях проверяемых офицеров переводят на другую должность без допуска к грифованной информации или отправляют в тыл.

Кстати, данное обстоятельство заставляет задуматься еще об одном аспекте этой сомнительной истории. Допуск к секретам — это сложная, детально разра-

ботанная процедура, повторявшаяся миллионы раз и отточенная до совершенства. Любому офицеру на строевой должности, тем более в действующей армии, имеет допуск не ниже категории «Секретно». Это означает, что при оформлении допуска о нем запрашивали все организации и инстанции по всем адресам проживания и работы. И при обнаружении противоречивых данных Таврин/Шило не только не получил бы должность, но и немедленно был бы разоблачен. Все здравомыслящие люди, живущие по подложным документам, как огня избегают ответственных должностей. Создать новую биографию, способную выдержать серьезные проверки, под силу только государственным органам, а не беглому бухгалтеру-раскладчику, пожелавшему стать офицером.

Стоит подумать и о том, зачем, собственно, оперуполномоченный Особого отдела беседовал с Шило и выяснял у него причины перемены фамилии. Дело в том, что беседа офицера контрразведки с объектом может осуществляться только в нескольких строго оговоренных случаях и должна заканчиваться по одному из ограниченного числа сценариев.

Вариант первый. Беседа может проводиться в целях профилактики преступления. Очевидно, что это не наш случай. То, что командир пулеметной роты скрыл факт перемены фамилии, показывает, что, скорее всего, этот офицер либо агент противника, либо лицо с криминальным прошлым, уязвимое для вербовки. Простое подозрение в этом было бы основанием для серьезного расследования.

Вариант второй. Беседа может венчать комплекс мероприятий по разработке объекта. В этом случае она проводится только на последней стадии, в противном случае контрразведчик совершает должностное преступление, преждевременно раскрывая заинтересованность органов и степень их осведомленности. Ни один оперативный офицер так не поступит, однако в случае с Шило-Тавриным, если верить ему, имел место именно такой невероятный поворот.

Дело было в разведке

И тут следует задаться очередным вопросом. Как понимать фразу: «Боясь ответственности, на следующий день, будучи в разведке, перешел на сторону немцев»? Собственно, она рождает целую серию вопросов, первый из которых можно сформулировать так: кто и с какой целью направил в разведку командира пулеметной роты? Да, пункт 305 Боевого устава пехоты Красной армии (БУП-42) предписывал: «Получив задачу, командир пулеметной роты обязан произвести разведку местности и противника, решить, как целесообразнее в данной обстановке использовать пулеметную роту, и свои соображения доложить командиру батальона. В зависимости от обстановки командир роты производит разведку один или с командирами взводов». Однако в данном случае речь идет о разведке методом наблюдения за передним краем, а отнюдь не о скрытном проникновении в тыл противника. Конечно, на войне за линию фронта иногда уходили офицеры и других, не разведывательных подразделений. Иногда в тыл противника отправлялись командиры гаубичных батарей и дивизионов, чтобы лично провести рекогносцировку его позиций на закрытых от наблюдения обратных скатах высот. Но пулеметы в 95% случаев работают на прямую наводку, и задачей командира пулеметной роты в разведке (скорее, рекогносцировке) является выбор оптимальных мест расположения его огневых средств, нарезка секторов обстрела и прочее.

Командир батальона направлять своих офицеров в разведку не имел права. В 1942 году низшими разведывательными подразделениями стрелковых полков были взводы пешей и конной разведки, подчиненные штабу полка. Следовательно, направить Таврина в разведку за линию фронта могли руководители от начальника штаба полка и командира полка. Трудно предположить, что возникла необходимость послать в зафронтовую разведку командира пулеметной роты, но допустим, что 29 мая 1942 года именно так и произошло. Допустим

также, что халатный оперуполномоченный не только не ограничил передвижения Таврина, но и не озаботился проконтролировать, кто из военнослужащих, не числящихся в разведподразделениях, уходит через нейтральную полосу. Последнее невероятно, но, повторюсь, предположим, что разведгруппа, в составе которой ока-

Агент Таврин и его жена Лидия, вместе с которой он был переброшен в СССР

злся Таврин, 30 мая вышла в поиск. Когда она должна была возвратиться?

Разведка полкового уровня действовала не далее переднего ряда траншей противника, и по этой причине длительность ее выхода ограничивалась темным временем суток, то есть одной ночью. Следовательно, бежать Таврин должен был бы той же ночью, 30 мая, иначе ему пришлось бы вернуться в расположение батальона и, скорее всего, вновь предстать перед контрразведчиками. Однако на деле все оказалось не так! Донесение о безвозвратных потерях 359-й сд (форма БП-2) № 0301 от 18 августа 1942 года, направленное в Центральное бюро по учету потерь личного состава, гласит, что командир роты старший лейтенант Таврин пропал без вести 12 июня 1942 года! Значит, не менее двух недель разведгруппа находилась за линией фронта. Совершенно очевидно, что это не полковое звено. Дивизионная разведка действовала, как правило, на глубину не более 5-8 километров, и такие сроки пребывания ее разведгрупп тоже были необычными (хотя и случались). Следовательно, скорее всего, Таврин был отправлен с разведгруппой не ниже армейского, а то и фронтового уровня, для которых это было нормальным. Ненормален сам факт включения в столь серьезные группы командира пулеметной роты. Это означает, что кто-то высокопоставленный распорядился взять его с собой и, судя по всему, вывести в немецкий тыл на достаточную глубину. Зачем?

Ветеран «Смерш», майор в отставке Зариф Валяев, с которым я беседовал при сборе данных для книги, предположил, что Таврина могли отправить в разведку в рамках оперативно-проверочных мероприятий, то есть специально насторожили вопросом и послали за линию фронта, чтобы пронаблюдать, не попытается ли он уйти к противнику. Однако Зариф Ахмедович тут же сам отменил эту гипотезу: подобные проверки, во-первых, проводились в исключительных случаях, во-вторых, они не занимали две недели и, главное, обеспечивались на высочайшем уровне безопасности. Проверяемого ни на секунду не оставляли без надзора и сопровождения, так что уход его был исключен. Зато зачастую похожим способом выводились в тыл противника советские агенты.

Еще одна странность состоит в том, что в отношении капитана Васильева не проводилось никакого служебного расследования. Вдумаемся: был пойман герман-

ский агент-террорист, обученный и экипированный по самому последнему слову техники, ориентированный на покушение на самого Верховного главнокомандующего! И в процессе его допроса обнаружилось, что два года назад из-за преступной халатности оперуполномоченного ОО он, совершивший три побега из-под стражи и по чужим документам получивший офицерское звание, беспрепятственно ушел к противнику, где стал сотрудничать с РОА и СД! В подобных случаях проводилось отдельное расследование, а вот капитан Васильев почему-то счастливо избежал следствия и допросов. Возможно, его было просто не за что наказывать, поскольку он сделал все в соответствии с распоряжениями вышестоящего начальства? Наиболее вероятно предположение о том, что капитан случайно натолкнулся на информацию о фамилии Шило, которая не должна была попасть к нему, поскольку относилась к проводимой советской разведкой операции. И когда в Особом отделе дивизии узнали об этой утечке, Васильеву приказали о ней забыть, а также уничтожить заведенное дело оперативной проверки. При этом все нестыковки сразу находят свое логическое объяснение.

Мы уже пришли к выводу о том, что Шило-Таврин был заброшен через линию фронта для выполнения разведывательного задания. Но этого мало. Разведка есть понятие обобщенное, каждый агент работает на конкретный разведорган, входящий в состав того или иного ведомства. Не может быть агента вообще, а может быть, к примеру, агент 2-го отдела НКВД БССР, агент УНКГБ по Ленинградской области, агент разведотдела Северного флота или агент УКР «Смерш» 2-го Прибалтийского фронта. Личные и рабочие дела агентов времен войны до сих пор остаются тщательной охраняемой тайной, поэтому установить орган, по заданию которого Шило-Таврин перебрасывался в немецкий тыл, можно лишь по косвенным признакам, хотя и с довольно высокой точностью. И начать следует с круга задач, очерченного агенту.

Под легендарной номер 3

Оказавшись в германском плену, Таврин мог выбрать одну из нескольких линий поведения. Он мог попытаться попасть в число так называемых хиви (от немецкого *Hilfswillige* – добровольный помощник) – нестроевых служащих вермахта, выполнявших функции санитаров, ездовых, поваров, водителей автотранспорта, подносчиков патронов, режиссеров или саперов. Такая легализация давала агенту возможность постоянно находиться в расположении какой-либо из дивизий и собирать разведывательную информацию, хотя и не особо ценную. В принципе, военная разведка могла быть в этом заинтересована, но Таврин не пожелал продвигаться по данному направлению.

Перебежчик мог попасть в состав одного из «восточных батальонов» (*Ostbataillon*), формирование которых началось в ноябре 1941 года в группе армий «Центр», а впоследствии – и по всему Восточному фронту. Эти структуры, численностью до 200 человек, использовались для охраны тыла германских войск. Ценность внедренного туда агента была для советской разведки ничтожна. Помимо охранных, существовали и боевые и специальные восточные батальоны. Внедрение агента в них было возможно, однако его полностью обезценивала практическая невозможность связи с разведорганом.

Таврин сдался в плен в июне 1942 года, за месяц до предательства генерал-лейтенанта А. А. Власова, что автоматически исключало из списка возможных задач агента столь популярное в дальнейшем направление внедрения в РОА. Не мог Таврин попасть и

в какое-либо национальное, включая казачье, формирование, равно как и в укомплектованную эмигрантами часть.

Зато с довольно высокой вероятностью перебежавшим к противнику офицером должны были заинтересоваться абвер или СД. В данной ситуации для агента открывалось широчайшее, хотя и крайне рискованное поле деятельности. Это направление обеспечивало выполнение задач по наступательной контрразведке и потому относилось к сфере НКВД.

В мае 1942 года Управление особых отделов НКВД еще не было преобразовано в ГУКР «Смерш» НКО – военную контрразведку, поэтому военная контрразведка своих агентов за линию фронта не забрасывала. В Наркомате внутренних дел зафронтовой контрразведывательной работой с 18 января 1942 года могла заниматься единственная структура – 4-е (зафронтовое) Управление НКВД СССР во главе с П. А. Судоплатовым. Зачастую упускается из виду, что занималось оно не только террором и диверсиями на оккупированной территории СССР, но и решало серьезные разведывательные и контрразведывательные задачи. Подготовка контрразведывательных агентов велась отдельно и с тщательностью, но, увы, по шаблону. Впоследствии Судоплатов вспоминал: «В самые кратчайшие сроки были отработаны основные варианты легендирования нашей агентуры для работы в тылу противника... Были разработаны пять основных вариантов внедрения в органы оккупационной администрации, в профашистские «добровольческие» формирования и в немецкие спецслужбы. Первая легенда. К противнику попадает офицер Красной армии, захваченный в ходе боевых столкновений. Вторая. Немцы подбирают раненого советского солдата или офицера, которым не была оказана медицинская помощь. Третья. Офицер или военнослужащий Красной армии – дезертир – сдается немцам на передовой линии фронта. Четвертая. Парашютист Красной армии, сброшенный в тыл противника, добровольно сдается немецкому военному командованию. Пятая. Беженец немецкого происхождения, «фольксдойче», перешедший на оккупированную территорию через линию фронта, предлагает немцам свои услуги».

Вспомним, что именно с третьим вариантом и отправился через линию фронта Таврин. Действовавшая за линией фронта диверсионно-разведывательная в/ч 9903 под командованием А. К. Спрогиса не забрасывала агентов контрразведывательной направленности, и потому Таврин к военной разведке относиться никак не мог. Все это позволяет с почти стопроцентной вероятностью считать его агентом именно 4-го управления НКВД СССР или же оперативным подчиненным ему 4-го отдела Управления НКВД по Калининской области.

Таким образом, мы с достаточной степенью достоверности установили, что переход старшего лейтенанта Петра Ивановича Таврина на сторону противника в действительности был операцией по заброске агента во вражеский тыл.

Теперь оценим действия, фактически совершенные Тавриным в немецком плену. Он принял предложение сотрудничать с СД. Судя по всему, на данном этапе агент был раскрыт и перевербован. Заметим, что и после этого, когда Таврин явно рассказал немцам о своем задании, его дальнейший путь не изменился. Это со всей убедительностью свидетельствует о том, что начавшие игру с противником специалисты СД не собирались совершать резкие маневры. Он якобы по собственной воле, но все же отказался от возможности попасть в формирования РОА и отбыть на относительно спокойные Балканы, зато с готовностью принял опаснейшее задание по убийству Сталина. Все это дополнительно подтверждает контрразведывательную направленность первоначального задания, полученного Тавриным перед заброской в немецкий тыл. А это означает, что он был агентом органов государственной безопасности, в чьи задачи входило агентурное проникновение в разведслужбы противника. ■